

ОТНОШЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ К БОЛЬШЕВИКАМ В 1917–1918 ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

С. Н. ПЕТРОВ

В статье дается обзор отечественной и зарубежной историографии, освещающей отношение Православной Российской Церкви к большевикам в первый год после их прихода к власти в результате октябрьского переворота 1917 г. Главное внимание уделяется работам известных современных исследователей церковной истории первых лет советской власти.

Цель статьи — дать оценку состояния современной научной литературы по теме исследования, ее фактографических и концептуальных построений. В соответствии с проблемно-хронологическим принципом рассматриваются крупнейшие направления в историографии: работы советских, религиозных, эмигрантских, зарубежных и российских авторов. Анализируется вклад в изучение проблемы таких известных современных историков, как В. А. Алексеев, О. Ю. Васильева, А. Н. Кашеваров, Д. В. Поспеловский, С. Л. Фирсов, В. А. Цыпин, М. В. Шкаровский и Г. Шульц. Учитываются имеющиеся в историографии маргинальные работы, не вписывающиеся в главные траектории развития исторической науки. Отмечаются уже существующие историографические обзоры российской и зарубежной литературы о взаимоотношении Православной Российской Церкви и большевиков в первые годы советской власти.

В историографии внимание по-прежнему фокусируется на постановлениях и воззваниях Поместного собора, посланиях Патриарха Тихона, антирелигиозных декретах и мероприятиях советской власти, деятельности церковных комиссий по взаимодействию с советским правительством, антисоветских выступлениях духовенства и верующих, организации многочисленных крестных ходов, создании православных братств и обществ защиты Церкви. Изменения в исследовательских подходах последних двух с половиной десятилетий можно назвать попыткой своеобразной конвергенции отечественной и западной научной литературы в единую современную историографию. Исследователи приходят к выводу о негативном отношении Православной Российской Церкви к большевикам и первым шагам новой власти по претворению в жизнь антирелигиозной политики и практики.

¹ Работа подготовлена при финансовом содействии гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ (№ НШ-219.2014.6).

В отечественной и зарубежной историографии, освещающей весьма непродолжительные церковно-государственные отношения в советское время, особое внимание уделяется сюжетам очень короткого периода, в пределах практически одного года с небольшим, — после прихода большевиков и их политических союзников к власти в результате октябрьского переворота 1917 г. Интерес этот неслучаен, данный период насыщен важнейшими событиями в церковной истории — созидательной работой не созывавшегося даже по историческим меркам чрезвычайно долго Всероссийского Поместного Собора, восстановившего упраздненное еще в начале XVIII в. Патриаршество и определившего, как тогда казалось соборникам, основные устои дальнейшей вне синодальных порядков жизни Православной Российской Церкви. В ходе своих заседаний Поместному Собору пришлось учитывать и быстро менявшуюся политическую обстановку, реагировать на принимаемые молодым советским правительством постановления, касающиеся религиозных организаций. Исходя из доктринальной установки на полное отделение Церкви от государства и школы от Церкви, новые органы власти в 1917–1918 гг. приняли целый ряд декретов и нормативных решений, призванных регламентировать разные стороны существования в советской стране конфессиональных объединений. Реакция православного духовенства и мирян на первые попытки проведения в жизнь антирелигиозной политики, истоки складывающихся взаимоотношений между Православной Российской Церковью и социалистическим правительством стали предметом исследования огромного количества историков у нас в стране и за рубежом.

Не ставя задачи всестороннего охвата разнообразных аспектов изучения поставленной проблемы, в настоящей работе хотелось бы обозначить в самых общих чертах магистральные направления, существовавшие в историографии по этой теме в течение уже практически ста лет. Большая же часть данной статьи отводится под детальный обзор сюжетов об отношении Православной Российской Церкви к большевикам в 1917–1918 гг. в крупнейших работах известных современных историков, сконцентрировавших свои усилия на исследовании церковно-государственных отношений первых лет советской власти и внесших в их изучение значительный вклад.

В самом начале, думается, необходимо остановиться, хотя бы кратко, на особенностях советской исследовательской литературы, освещающей историю взаимоотношений Православной Российской Церкви и большевистской власти в период 1917–1918 гг. Литература эта отличалась достаточно стереотипными и однозначными построениями, основанными на заранее продекларированных идеологических постулатах. Традиционно церковная организация и духовенство рассматривались на ее страницах как «остатки эксплуататорского строя», враждебно настроенные в отношении развернувшихся после октября 1917 г. социалистических преобразований и особенно агрессивно проявившие себя в период революции и начала Гражданской войны. Согласно этой логике, репрессии, к которым прибегали большевики, были не гонениями на православное духовенство и верующих, а оправданной ответной мерой молодого пролетарского государства на контрреволюционные преступления «черносотенных церковников».

Вплоть до второй половины 1980-х гг. в советской исторической литературе воспроизводилась идеологическая схема, появившаяся в 1922–1923 гг. в связи с подготовкой политического судебного процесса по делу Патриарха Тихона. В соответствии с данной схемой лишившаяся господствующего положения Православная Российская Церковь объявлялась контрреволюционной организацией, противящейся проведению ее отделения от государства и ведущей подрывную деятельность в отношении молодой советской власти. В качестве наиболее убедительных примеров с соответствующими комментариями приводились отрывки из официальных постановлений и воззваний работавшего с августа 1917 по сентябрь 1918 г. Поместного Церковного Собора и посланий избранного в ноябре 1917 г., после более чем двухсотлетнего перерыва, Патриарха².

Схожие выводы можно найти и в появившейся в 1920-е гг. религиозной литературе, созданной представителями обновленческого церковного раскола. Осмысливая недавнее прошлое, они видели причины своего появления в нежелании части духовенства и верующих идти по пути «церковной контрреволюции» и вражды с советской властью³.

В образовавшейся после революционных событий и Гражданской войны церковной диаспоре, особенно в работах духовенства и верующих Русской Зарубежной Церкви, состояние Православной Российской Церкви в первые годы советской власти характеризовалось как гонимое, аполитичное и мученическое. Находившиеся за пределами советской России авторы-эмигранты однозначно признавали, что и Патриарх, и Поместный Собор, морально осуждая большевиков-гонителей, делали все возможное, чтобы избежать политической конфронтации с новой властью⁴.

Авторы воссозданной в годы Великой Отечественной войны Московской Патриархии, находившиеся под жестким идеологическим контролем соответствующих советских спецслужб, были вынуждены воспроизводить официальные версии тогдашней отечественной истории. Уже в конце советской эпохи в

² См., напр.: *Кандидов Б. П.* Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция: Очерки и материалы. М., 1930; *Он же.* Октябрьские бои в Москве и церковь. М., 1931; *Персиц М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958; *Емелях Л. И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976; *Плаксин Р. Ю.* Крах церковной контрреволюции в 1917–1923 гг. М., 1966; *Он же.* Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны. Л., 1987; *Корзун М. С.* Русская православная церковь. 1917–1945: Изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения. Минск, 1987 и др.

³ Имеются в виду в первую очередь работы одного из обновленческих лидеров и главного идеолога схизматиков — А. И. Введенского (см.: *Введенский А. И., прот.* Церковь и государство: Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918–1922 гг. М., 1923; *Он же.* Церковь патриарха Тихона. М., 1923; *Он же.* Церковь и революция (Уход патриарха Тихона). Пг., 1922; а также: *Платонов Н. Ф.* Православная церковь в 1917–1935 гг.: Противодействие церкви установлению и упрочению Советской власти // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1961. Т. V. С. 206–271; и др.).

⁴ См.: *Карташев А. В.* Революция и Собор 1917–1918 гг.: Наброски для истории Церкви наших дней // Богословская мысль. Париж, 1942. Вып. 4. С. 75–101; *Рар Г.* Плененная Церковь: Очерк развития взаимоотношений между Церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне, 1954; *Боголепов А. А.* Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958; *Константинов Д.* Гонимая Церковь (Русская Православная Церковь в СССР). Нью-Йорк, 1967.

одном из обобщающих трудов они констатировали, что Поместный Церковный Собор 1917–1918 гг. в отношении молодого советского государства, начавшегося революционного процесса и развернувшихся социалистических преобразований занял отрицательные позиции. Декрет об отделении Церкви от государства был воспринят Собором как «открытое гонение на Церковь», и такое восприятие не соответствовало настроению «широких кругов православно-верующего населения России, активно участвовавшего в революционных событиях, руководимых большевиками»⁵.

После крушения Советского Союза появились возможности не просто переставить знаки с минуса на плюс в оценках советской истории, но начать исследовать этот период с применением объективных приемов и методов, выработанных исторической наукой. За истекшие два с половиной десятилетия в отечественной историографии появился целый ряд крупных работ, посвященных церковно-государственным отношениям в первые годы советской власти⁶. В этих работах неперменной составляющей авторских построений стали сюжеты, связанные с реакцией духовенства и верующих на советскую политику и практику в отношении религиозных организаций.

Одной из первых среди значительных работ по этой теме, в которой пересматривались традиционные советские взгляды, следует признать научно-популярную монографию В. А. Алексеева. В этой книге проблеме отношения духовенства к большевикам после октябрьского переворота 1917 г. был отведен специальный раздел «Духовенство критикует большевиков». Впервые в отечественной литературе автор попытался детально рассмотреть обозначенную проблему на конкретном фактическом материале, взятом из недоступных ранее архивных фондов. Исходя из довлеющей над автором заранее заданной им самим концепции, В. А. Алексеев возложил ответственность за конфликтные отношения и нежелание искать компромиссы в равной степени и на духовенство, и на большевиков. Он отметил, что многие члены Поместного Собора упрекали большевиков в узурпации власти и «глушении над святынями» (обстрел Московского Кремля), а в официальных церковных документах осуждались действия революционных рабочих и солдат. Напряженные отношения между Церковью и новой властью, по мнению автора, стали одной из причин «появления острой напряженности в стране, приведшей затем к гражданской войне». В. А. Алексеев считал также, что в 1918 г. было не много организованных антисоветских выступлений духовенства, но именно с этого времени начинается практика их государственного подавления. Участники же данных выступлений, «не

⁵ Русская Православная Церковь. 988–1988. М., 1988. Вып. 2: Очерки истории 1917–1988 гг. С. 13.

⁶ Несмотря на то что большинство авторов, писавших на эти темы в советское время, отказались от выводов, сформулированных ими ранее, и перешли практически на церковные позиции, в последние годы стали появляться маргинальные работы, в которых сделаны попытки реанимировать советские традиции в изучении истории религиозных организаций в первые годы большевистского режима. См., напр.: Клименко В. А. Москва. Революция. Церковь (1917–1920 гг.). М., 2010; *Он же*. Москва. Церковь против Октября. 1917–1920 гг. М., 2012.

согласные с церковной политикой новой власти», стали называться «активными контрреволюционерами»⁷.

С первых же строк статьи, напечатанной в начале 1990-х гг., ее автор, О. Ю. Васильева, провозгласила, что Русская Православная Церковь и после прихода к власти большевиков «официально сторонилась политики и насилия». Однако надежды верующих разбились «о рифы циркуляров и декретов народных комиссаров». По мнению исследовательницы, использование Поместным Собором в своих посланиях резких характеристик большевиков и социалистической революции («беснующееся безбожие») может быть объяснено тем, что Русская Православная Церковь оказалась «первой провидицей грядущей гражданской войны» и таким способом пыталась ее предотвратить. Протесты церковного руководства и волнения среди верующих во многом были спровоцированы плохо продуманными действиями советской власти⁸.

Среди современных церковных исследователей необходимо отметить работы протоиерея В. Цыпина, который ранее других в Московской Патриархии начал изучение обозначенной проблемы и внес наиболее значительный вклад в ее рассмотрение⁹. Он уделил внимание реакции Поместного собора 1917–1918 гг. на приход к власти большевиков, осветил проблемы, связанные с принятием декрета об отделении Церкви от государства и гонениями на духовенство и верующих. Подробным образом им были изложены действия членов Собора, направленные на умиротворение начавшейся братоубийственной революционной бойни в Москве в октябре 1917 г. Остановился автор и на протестных посланиях Патриарха Тихона, составленных в связи с проведением антирелигиозных мероприятий советской власти. Он рассмотрел многочисленные крестные ходы того времени в контексте начавшегося религиозного подъема. Особое место в исследовании протоиерея В. Цыпина заняли описания подвигов во имя веры мучеников, исповедников и подвижников, противостоявших богоборцам.

Нельзя не упомянуть и крупное монографическое исследование светского петербургского историка А. Н. Кашеварова, выдержавшее под разными названиями два издания¹⁰. Автор, обобщая опыт изысканий своих предшественников, сделал вывод, что духовенство вряд ли могло доброжелательно относиться к новому политическому режиму, «руководство которого провозгласило преодоление религии как средства затемнения пролетарского сознания масс и отвлечения их от идей социализма». Однако наличие подобных настроений вовсе не означало, что духовенство стало организовывать антисоветские выступления. Вслед за церковными историками-эмигрантами А. Н. Кашеваров однозначно признает: Православная Российская Церковь отличалась аполитичностью, и

⁷ Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 18–72.

⁸ См.: Васильева О. Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.

⁹ См.: Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997; Он же. Русская Православная Церковь в новейший период. 1917–1999 гг. // Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 134–137.

¹⁰ См.: Кашеваров А. Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999; Он же. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005.

никаких антисоветских выступлений в этот период времени не было, а существовало лишь насаждаемое большевистской пропагандой предубеждение о церковной контрреволюционности. Наиболее резкую реакцию у духовенства и верующих вызвал декрет об отделении Церкви от государства. В ответ Православная Российская Церковь выработала три формы ненасильственного протеста: публичное осуждение действий власти антицерковного характера, проведение крестных ходов и организация особых братств и обществ защиты от насилия и разворачивавшихся гонений.

Согласно А. Н. Кашеварову, проведение в жизнь декрета об отделении привело к массовому противодействию верующих, а жесткая позиция советской верхушки и ответная реакция церковного руководства сделали неизбежным конфликт между Церковью и государством. Оценка, данная декрету Поместным Собором и Патриархом, нашла поддержку не только у духовенства, но и среди самых широких слоев мирян, что в дальнейшем учитывалось высшим церковным управлением, особенно в призывах к массовому неповиновению советским постановлениям, посвященным религии и Церкви. Помимо бойкота правительственных декретов и постановлений Православная Российская Церковь пыталась неоднократно решать возникавшие проблемы и путем диалога, организуя различные депутации и делегации для переговоров с советской властью. Н. А. Кашеваров, пожалуй, впервые в историографии столь подробно останавливается на особой роли в этих переговорах профессора Московской духовной академии Н. Д. Кузнецова.

В целом же, если исходить из исследования петербургского историка, период 1917–1918 гг. может быть охарактеризован как время резких церковных протестов против проводимой религиозной политики новой власти и начала поворота Православной Российской Церкви в сторону вынужденного признания отдельных положений советских декретов и постановлений.

В изучение проблемы восприятия духовенством большевиков внес свою лепту и другой петербургский исследователь — М. В. Шкаровский. Автор многочисленных монографий по церковной истории, он неизменно указывает в них, что конфликт Церкви и новой власти начался с первых дней октябрьской революции и был обусловлен мировоззренческой несовместимостью учения марксизма и религиозной веры¹¹. Большевики видели в Церкви союзницу павшего самодержавия и эксплуататорского строя. М. В. Шкаровский однозначно признает, что основная доля ответственности за все происходившее лежит на СНК. Большая часть иерархов и клира без энтузиазма или враждебно встретила захват власти большевиками. Усилия Русской Православной Церкви, заседавшего Поместного Собора были направлены в первую очередь на умиротворение противоборствующих сил, на прекращение разгоравшейся братоубийственной войны. После обнародования соответствующих советских декретов и постановлений Священный Собор не терял надежды на урегулирование церковно-

¹¹ См., напр.: *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М., 1999; *Он же.* Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010. С. 72–85; и др.

государственных отношений в желательном ему русле, именно он положил начало поиску компромиссов с советской властью.

По М. В. Шкаровскому, духовенство и верующие отрицательно реагировали на антирелигиозный настрой советской власти и мероприятия, связанные с отделением Церкви от государства. Ответом на проводимую большевиками политику в отношении религиозных организаций стали многолюдные крестные ходы, публичные богослужения и коллективные протестные петиции. Гонения на Русскую Православную Церковь стали причиной массового религиозного подъема. С начала 1918 г. ряды верующих пополнили тысячи новообращенных, в том числе видные представители интеллигенции. Активизировалась церковная жизнь в общинах и создаваемых повсеместно православных братствах, объединенных советах и союзах приходов. С лета 1918 г., после срыва переговоров между церковными и государственными органами власти, развернулось новое наступление большевиков на Церковь. В сентябре этого года были закрыты братства, большинство печатных церковных органов, прекратил свою работу Поместный Собор. Развернувшееся народное сопротивление отделению Церкви от государства, по мнению М. В. Шкаровского, не позволило большевикам провести свои планы в жизнь в кратчайшие сроки.

Остановимся на работах еще одного известного петербургского исследователя церковной истории рубежа XIX–XX вв. — С. Л. Фирсова. В одной из своих новейших книг он отвел обширную первую часть под изучение проблемы восприятия современниками и исследователями декрета об отделении Церкви от государства¹². Обозначенную проблему С. Л. Фирсов рассмотрел на воссозданном им панорамном фоне истории церковно-государственных отношений советского времени. По его мнению, пришедшие к власти большевики не воспринимались священноначалием Православной Российской Церкви как «достойные хозяева страны». Оно громогласно выразило негативное отношение к «активным строителям “нового мира”» в послании Патриарха Тихона от 19 января 1918 г., назвав их «безумцами» и придав анафеме. В этом послании верующие призывались встать на защиту гонимой Церкви.

Центральное место в книге С. Л. Фирсова отведено анализу оценок, данных современниками, в том числе духовенством и церковной профессурой, декрету об отделении Церкви от государства после его обнародования. Еще на стадии подготовки проекта декрета духовенство выказало свое беспокойство, которое отразилось в протестном послании петроградского митрополита Вениамина (В. П. Казанского) в СНК с требованием к власти не приводить в «исполнение предполагаемого проекта декрета об отобрании церковного достояния». Согласно С. Л. Фирсову, публикация в главном церковном периодическом издании адресованной Наркомюсту ответной резолюции В. И. Ленина о немедленной подготовке декрета говорит о том, что священноначалие уже в феврале 1918 г. понимало сложность складывавшейся ситуации. Оно осознавало, что большевики ни на какие компромиссы не пойдут и проведут отделение Церкви от государства исключительно в формах, определенных советским правительством.

¹² См.: Фирсов С. Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 — начало 1940-х г.: Очерки истории. М., 2014. С. 13–147.

Издание декрета, по С. Л. Фирсову, стало шоком для большинства церковных деятелей, которые оказались психологически не готовы к его появлению. Поэтому, видимо, не последовало и открытых выступлений в виде «специально организованных Церковью антисоветских манифестаций». Власть и верующие находились в разных системах мировоззренческих координат, поэтому и компромиссов не могло быть. «Конфликт сторон» был неизбежен, делает вывод автор книги, его формы определялись разгоравшейся Гражданской войной.

Согласно С. Л. Фирсову, Православная Российская Церковь определилась и предъявила власти свои требования в январских 1918 г. воззвании и постановлении Поместного Собора, посвященных декрету об отделении Церкви от государства. Этот законодательный акт расценивался в данных документах, резких по своему содержанию, как «злостное покушение на весь строй церковной жизни», грубое поругание веры и попрание совести верующих, откровенное гонение против Церкви. Несмотря на то что «большинство церковных людей было настроено непримиримо к ленинскому декрету», отмечает С. Л. Фирсов, часть духовенства, в будущем лидеры обновленческого раскола и распопы-атеисты, видели в нем и положительные стороны, способствующие «делу внутреннего церковного освобождения». Протестные настроения верующих привели к массовым крестным ходам, особенно в столицах, однако в дальнейшем, по мере втягивания страны в гражданскую войну, для подобных грандиозных выступлений верующих, считает С. Л. Фирсов, возможностей уже не существовало, и декрет об отделении Церкви от школы был успешно проведен большевиками в жизнь.

В отечественной историографии устойчивый интерес к работам зарубежных коллег, писавших об отношении православного духовенства и верующих к советской власти в первые годы ее существования, был проявлен достаточно поздно, в последние десятилетия существования коммунистического режима. Советские историки рассматривали их труды в контексте разоблачения буржуазных фальсификаций положения религии при социализме¹³. В современной российской литературе сделаны обстоятельные обзоры и тех работ, которые «разоблачались» во времена Советского Союза, и новейших исследований иностранных историков¹⁴.

Из зарубежных исследователей в историографии вопроса наибольшую известность получил канадский историк Д. В. Поспеловский¹⁵. Он считает, что Русская Православная Церковь не испытывала «априорной враждебности» к новому государству, как это приписывали ей советские авторы. Поместный Со-

¹³ См., напр.: *Лисавцев Э. И.* Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1971; *Андреева О. В.* Критика англо-американской буржуазной историографии современного положения православной религии и церкви в СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

¹⁴ *Кашеваров А. Н.* Государственно-церковные отношения первых лет советской власти в зарубежной историографии // Новый часовой: русский военно-исторический журнал. 2001. № 11/12. С. 60–67; *Павлов Д. Б.* Русская Православная Церковь, государство и общество первой четверти XX в. в зарубежной историографии // Российская история. 2011. № 5. С. 163–172; *Он же.* Русская Православная Церковь—государство—общество первой четверти XX в. в зарубежной историографии и археографии // Клио. 2011. № 5 (56). С. 25–37.

¹⁵ *Pospielovsky D.* A History of Soviet Atheism in Theory, and Practice, and the Believer. Vol. 1: A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Anti-Religions Policies (1917–1987). New York, 1987; *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX в. М., 1995. С. 49–60.

бор, несмотря на резкие заявления некоторых его участников, в своих решениях и постановлениях практически всегда сохранял политический нейтралитет, «позволяя себе только моральные суждения и осуждения отдельных действий». Наступление на религию и насилие большевиков привели к противоборству между Церковью и новым государством. Однако церковное противостояние было всего лишь «упреждающей и защитной реакцией» на творимые притеснения.

Д. В. Поспеловский провел анализ постановлений Поместного Собора и посланий Патриарха Тихона, имевших политическую окраску, и пришел к выводу, что в них речь шла о духовной борьбе, покаянии и об активизации действий мирян в защиту своих храмов. Он отметил, что в знаменитой анафеме от 19 января 1918 г. нет ни одного слова о большевиках и советской власти, а в обращении Патриарха к Ленину в связи с первой годовщиной октябрьского переворота Святитель призвал прекратить начавшиеся кровопролитие и преследования за веру. Поместный Собор не замалчивал большевистских гонений, но в своих определениях по этому поводу «последовательно стремился к миру, к установлению нормальных, взаимно лояльных отношений с новой властью». «Непосредственная критика» действий советского правительства улавливается только в двух церковных посланиях, посвященных соответственно Брестскому миру и первой годовщине октябрьского переворота. Однако и здесь, как отмечает Д. В. Поспеловский, Патриархом двигало не чувство «злобного антисоветизма», а древнее нравственное право «печалования» перед властью. Из упоминаемого неоднократно историком факта патриаршего «печалования» он делает вывод о признании Церковью уже в 1918 г. советской власти как «своей власти», хотя некоторые решения Поместного Собора говорят о том, что участвовавшие в его заседаниях духовенство и миряне не всегда отдавали себе отчет в бесповоротности происходивших событий (определения «О правовом положении Православной Российской Церкви», «О монашестве»).

Согласно Д. В. Поспеловскому, принятые в 1917–1918 гг. большевистские декреты, постановления и инструкции, направленные на удушение Церкви, вызвали бурную реакцию соборян и поставили в повестку дня вопрос о роли мирян в церковной жизни. Именно на Соборе раздались сетования епископата и многих иереев на пассивность мирян, которые «не выступают массой в борьбе за Церковь, не противостоят атаке воинствующего атеизма». В целом же канадский историк делает вывод, что молодое советское государство оставило без внимания все попытки примирения со стороны Русской Православной Церкви. В зависимости от ситуации большевики меняли только свою тактику борьбы с религией, сохраняя при этом неизменной ее сущность.

Необходимо также отметить и выводы, полученные в исследованиях немецкого слависта и богослова Г. Шульца¹⁶. Как и канадский историк, он отмечает

¹⁶ См.: *Schulz G.* Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 — ein unbekanntes Reformpotential; Archivbestande und Editionen; Struktur und Arbeitsweise; Einberufung und Verlauf; Verabschiedung der neuen Gemeindeordnung. Gottingen, 1995; *Шульц Г.* Поместный Собор 1917–1918 гг. и его место в истории Русской Православной Церкви // Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002. С. 7–19; *Он же.* Введение // Там же. Вторая сессия. М., 2001. С. 7–22; *Он же.* Обзор деяний

огромную роль мирян и приходов в церковной жизни в новых атеистических условиях. По его мнению, именно прихожане спасли в России христианскую веру и саму Церковь. Сразу же после обнародования декрета об отделении Церкви от государства они стали бороться с ним путем организации массовых крестных ходов. Г. Шульц пишет о том, что для миллионов верующих Поместный Собор и поставленный им Патриарх стали символом и голосом всей Русской Православной Церкви.

Среди основных «церковно-политических действий» Поместного Собора он указывает на данную им «характеристику Октябрьской революции как дела распри, братоубийства и антихриста». Согласно немецкому исследователю, на высшем церковном форуме сложились три типа отношения к событиям после октябрьского переворота 1917 г.: одни оценивали их «скорее позитивно», другие — негативно, а третьи заняли «сдержанно-выжидательную позицию». Принятием определения о правовом положении Православной Российской Церкви Собор пытался загодя противостоять готовящемуся декрету об отделении. Разгон Учредительного собрания и публикация вариантов проекта декрета вызвали очень резкую реакцию Патриарха Тихона. В послании от 19 января 1918 г. он не только констатировал факт церковных гонений, но и анафематствовал гонителей — «всех, кто применял насилие и проливал кровь, и прежде всего большевиков». По мнению Г. Шульца, на Патриарха в этот момент оказали влияние члены Поместного Собора, «непримиримо настроенные по отношению к большевикам». Утверждение и обнародование через несколько дней декрета об отделении было, вполне возможно, ответом большевиков на патриаршее послание.

Г. Шульц пишет, что «трудно сказать, кто явился инициатором вспыхнувшего противостояния», Церковь или государство. Поместный Собор поддержал Патриарха и осознал, что начался новый период отношений с государством, которое перестало считать Русскую Православную Церковь единым организмом и субъектом правоотношений. Большевицкий режим рассматривал ее с 1918 г. исключительно как совокупность отдельных групп верующих (общин).

Таким образом, считает Г. Шульц, перед Поместным Собором встала первоочередная задача — найти способы сохранить церковную организацию в условиях разворачивавшихся гонений. Протестуя против декрета, Собор призвал верующих к защите православной веры, чем активизировал деятельность церковных братств. Наряду с этим было решено вступить в диалог с Совнаркомом посредством специально созданных для поиска компромисса соборных делегаций, в которых исключительно позитивную роль сыграл Н. Д. Кузнецов. К сожалению, в ходе переговоров достичь соглашений не удалось, но это были первые попытки поиска контактов с атеистической властью. Последующие большевицкие декреты и постановления, особенно августовская 1918 г. инструкция, только ухудшили положение Русской Православной Церкви.

Как видим, работы современных отечественных исследователей в значительной мере смыкаются из отмеченных направлений в историографии с эмигрантской и зарубежной литературой, однако по большому счету не выходят за

третьей сессии Поместного Собора Русской Православной Церкви // Там же. Третья сессия. М., 2000. С. 10–26.

рамки набора фактических сведений, введенных в научный оборот еще в советское время, но с отличной от прежних идеологизированных оценок характеристикой происходивших событий. Эти изменения в исследовательских подходах последних двух с половиной десятилетий можно назвать попыткой своеобразной конвергенции отечественной и западной научной литературы в единую современную историографию. В этой историографии внимание по-прежнему фокусируется на постановлениях и воззваниях Поместного собора, посланиях Патриарха Тихона, антирелигиозных декретах и мероприятиях советской власти, деятельности церковных комиссий по взаимодействию с советским правительством, протестных ходатайствах профессора Н. Д. Кузнецова, антисоветских выступлениях духовенства и верующих, организации многочисленных крестных ходов, создании православных братств и обществ защиты Церкви. Пожалуй, из рассмотренных работ можно выделить труды Г. Шульца и С. Л. Фирсова, в которых они расширяют источниковую базу и используют новые исследовательские подходы: первый — изучает роль мирян и приходов в непростых условиях первых советских лет, второй — анализирует восприятие декрета об отделении Церкви от государства широким кругом современников тех событий и в последующей историографии. В целом же исследователи приходят по сути к единому выводу о негативном отношении Православной Российской Церкви к большевикам и первым шагам новой власти по претворению в жизнь антирелигиозной политики и практики, направленных на ускоренную атеизацию населения страны.

Ключевые слова: Православная Российская Церковь, Поместный Собор 1917–1918 гг., патриарх Тихон, церковно-государственные отношения, большевики, советская власть, современная научная литература, историография.

THE RELATION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH TO THE BOLSHEVIKS IN 1917–1918 IN MODERN HISTORIOGRAPHY

S. PETROV

The paper is given the survey of the domestic and foreign historiography, which illuminates the relation of Russian Orthodox Church to the Bolsheviks in the first year after their accession to power as a result of October revolution 1917. Main attention is paid to the work of the well-known contemporary researchers of the church history of the first years of the Soviet power.

The purpose of the article — to assess the state of current scientific literature on the topic of research, its factual and conceptual constructs. The largest directions in the historiography are examined in accordance with the problematic-chronological principle: the works of the soviet, religious, emigrant, foreign and russian authors.

The contribution to the study of the problem of such well-known contemporary historians as V. A. Alekseyev, O. Yu. Vasil'yeva, A. N. Kashevarov, D. V. Pospelovsky, S. L. Firsov, V. A. Tsy-pin, M. V. Shkarovsky and G. Schulz, is analyzed. The existing in the historiography marginal works, which are not entered in the main trajectories of the development of historical science, are considered. The already existing historiographical surveys of the Russian and foreign literature about the interrelation of Russian Orthodox Church and Bolsheviks in the first years of the Soviet power are noted.

In the historiography of attention continues to focus on resolutions and appeals of the Landed Council, the message of Patriarch Tikhon, anti-religious decrees and activities of Soviet power, the activities of the Church's Commissions for interaction with the Soviet government, anti-Soviet protests of the clergy and believers, the organization of religious processions, the creation of orthodox brotherhoods and societies protection of the Church. Changes in research approaches of the last two and a half decades can be called a kind of attempt to convergence of domestic and western scientific literature into a single modern historiography. Researchers have come to the conclusion that the negative attitude of the Russian Orthodox Church to the Bolsheviks and the first steps of the new government to implement the anti-religious policies and practices.

Keywords: the Russian Orthodox Church, the Landed Council 1917–1918, patriarch Tikhon, church-state relations, Bolsheviks, Soviet power, modern scientific literature, historiography.

Список литературы

1. *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М., 1991.
2. *Андреева О. В.* Критика англо-американской буржуазной историографии современного положения православной религии и церкви в СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
3. *Боголепов А. А.* Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958.
4. *Васильева О. Ю.* Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.
5. *Введенский А. И., прот.* Церковь и революция (Уход с должности патриарха Тихона). Пг., 1922.
6. *Введенский А. И., прот.* Церковь и государство: Очерк взаимоотношений церкви и государства в России 1918–1922 гг. М., 1923.
7. *Введенский А. И., прот.* Церковь патриарха Тихона. М., 1923.
8. *Емелях Л. И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976.
9. *Кандидов Б. П.* Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция: Очерки и материалы. М., 1930.
10. *Кандидов Б. П.* Октябрьские бои в Москве и церковь. М., 1931.
11. *Карташев А. В.* Революция и Собор 1917–1918 гг.: Наброски для истории Церкви наших дней // Богословская мысль. Париж, 1942. Вып. 4. С. 75–101.
12. *Кашеваров А. Н.* Церковь и власть: Русская Православной Церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999.
13. *Кашеваров А. Н.* Государственно-церковные отношения первых лет советской власти в зарубежной историографии // Новый часовой: русский военно-исторический журнал. 2001. № 11/12. С. 60–67.

14. *Каишев А. Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005.
15. *Клименко В. А.* Москва. Революция. Церковь (1917–1920 гг.). М., 2010.
16. *Клименко В. А.* Москва. Церковь против Октября. 1917–1920 гг. М., 2012.
17. *Константинов Д.* Гонимая Церковь: Русская Православная Церковь в СССР. Нью-Йорк, 1967.
18. *Корзун М. С.* Русская православная церковь. 1917–1945: Изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения. Минск, 1987.
19. *Лисавцев Э. И.* Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1971.
20. *Павлов Д. Б.* Русская Православная Церковь, государство и общество первой четверти XX в. в зарубежной историографии // *Российская история*. 2011. № 5. С. 163–172.
21. *Павлов Д. Б.* Русская Православная Церковь–государство–общество первой четверти XX в. в зарубежной историографии и археографии // *Клио: журнал для ученых*. 2011. № 5 (56). С. 25–37.
22. *Персиц М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958.
23. *Плаксин Р. Ю.* Крах церковной контрреволюции в 1917–1923 гг. М., 1966.
24. *Плаксин Р. Ю.* Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны. Л., 1987.
25. *Платонов Н. Ф.* Православная церковь в 1917–1935 гг.: Противодействие церкви установлению и упрочению Советской власти // *Ежегодник Музея истории религии и атеизма*. М.; Л., 1961. Т. 5. С. 206–271.
26. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX в. М., 1995.
27. *Рар Г.* Плененная церковь: Очерк развития взаимоотношений между Церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне, 1954.
28. *Русская Православная Церковь*. 988–1988. М., 1988. Вып. 2: Очерки истории 1917–1988 гг.
29. *Фирсов С. Л.* «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 — начало 1940-х гг.: Очерки истории. М., 2014.
30. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.
31. *Цыпин В., прот.* Русская Православная Церковь в новейший период. 1917–1999 гг. // *Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь*. М., 2000.
32. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М., 1999.
33. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010.
34. *Шульц Г.* Обзор деяний третьей сессии Поместного Собора Русской Православной Церкви // *Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний*. Третья сессия. М., 2000. С. 10–26.
35. *Шульц Г.* Введение // *Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний*. Вторая сессия. М., 2001. С. 7–22.
36. *Шульц Г.* Поместный Собор 1917–1918 гг. и его место в истории Русской Православной Церкви // *Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор деяний*. Первая сессия. М., 2002. С. 7–19.
37. *Pospelovsky D.* A History of Soviet Atheism in Theory, and Practice, and the Believer. Vol. 1: A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Anti-Religions Policies (1917–1987). New York, 1987.
38. *Schulz G.* Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 — ein unbekanntes Reformpotential; Archivbestande und Editionen; Struktur und Arbeitsweise; Einberufung und Verlauf; Verabschiedung der neuen Gemeindeordnung. Gottingen, 1995.